ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

М.С. Агафонцев
Самарский государственный социально-педагогический университет

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА УГРОЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М. ШУКШИНА

В статье дается характеристика языковых единиц семантики угрозы в произведениях В.М. Шукшина. Выявляются описательные глагольно-именные обороты, фразеологизмы, а также лексемы данной семантики. Определяется преобладающий вид данных языковых единиц в речи персонажей и авторском тексте, а также потенциальная мотивировка их употребления.

Лексика, фразеология, В.М. Шукшин, вербальное воздействие, угроза, коммуникативный акт.

В.М. Шукшин – советский писатель-прозаик второй половины XX в. Его творчество составляет значительная часть произведений, посвященных проблемам чести и достоинства, нравственного выбора человека. Особенностью поднимаемых тем является изображение провинциальной жизни со всеми вытекающими социальными, культурными и даже политическими последствиями для героев. Изображение жизненного уклада сельского или провинциально городского человека, погруженного в ту или иную проблему, – ядро творческого метода писателя.

Как отмечает отечественный исследователь творчества В.М. Шукшина О.А. Скубач, писатель, как и многие другие мастера слова, находился на начальном этапе творчества в поиске «своей» темы. Однако прижизненная критика, которая не обошла стороной и В.М. Шукшина, определила вектор его творчества – проблема деревни и города [17].

Отметим, что выбор темы для творческого содержания произведений во многом был обусловлен биографией писателя. В.М. Шукшин родился и вырос в селе Сростки Алтайского края. Детство и юность будущего писателя были непосредственно связаны с односельчанами. При этом мастер слова успел получить образование в местной средней школе, отслужить в армии, начать свою профессиональную деятельность в колхозе, а затем – в местной средней школе.

Указанные факты не могли не оставить след в творчестве писателя. Как отмечает российский исследователь А.Н. Варламов, определение траектории творческого пути В.М. Шукшина могло бы и не состояться, если бы тот не вернулся в родное село после службы в армии, тем самым в сознательном возрасте прожив то, что будет изображать впоследствии [6].

В отечественной филологии изучение творчества В.М. Шукшина является предметом исследования целого ряда ученых, среди которых Л.А. Аннинский [1], А.Н. Варламов [6], Л.П. Воронина [7], О.В. Илюшина [10], Е.Н. Карташова [11], А.И. Куляпин [12], О.А. Скубач [17], Н.В. Панченко [16], Т.В. Черницына [21] и др.

Что касается языковой стороны произведений В.М. Шукшина, то описание жизненного уклада провинциального, сельского человека, который находится в постоянном взаимодействии с другими ему подобными действующими лицами, требует реалистичного языкового сопровождения с соответствующими стилистическими особенностями. Одной из коммуникативных ситуаций, в которых регулярно оказываются герои произведений В.М. Шукшина, является ситуация угрозы.

Опираясь на «Большой энциклопедический словарь», отметим, что угроза – это «высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам» [5, с. 1376]. Иными словами, угроза представляет собой желание адресанта осуществить давление на адресата в случае невыполнения условий первого в каждой конкретной коммуникативной ситуации.

Российские ученые в области лингвистики Е.И. Юрина и С.В. Доронина определяют угрозу как речевой акт, «который включает в себя два компонента: побуждение к действию и обещание реализовать угрозу, если действие не будет совершено» [22, с. 20]. При этом подобное обещание зачастую формулируется при помощи сниженной лексики, одновременно доступной и для говорящего, и для слушающего, а также апеллирующей к чувству страха реципиента.

Как отмечает Т.Б. Назарова, высказывания носителя языка не всегда характеризуются рациональностью использования речевых средств. В качестве подобной нерациональности выступает неучет определенных индивидуальных качеств собеседника, что также может привести к коммуникативной неудаче и даже возникновению конфликтных ситуаций, в том числе – ситуации угрозы [15]. Учитывая данную точку зрения, отметим, что подобная нерациональность имеет место и в речевом поведении героев произведе-

ний В.М. Шукшина. Они зачастую оказываются в ситуации негативного вербального воздействия, угрозы в силу складывающихся обстоятельств.

В качестве источников языкового материала в рамках настоящего исследования нами было проанализированы 98 рассказов, а также 2 повести В.М. Шукшина, охватывающие активный период его творчества с 1960 по 1974 годы. Методом сплошной выборки были выявлены 24 языковые единицы, которые употребляются как в речи героев, так и в авторском тексте в рамках коммуникативной ситуации угрозы.

В настоящем исследовании вслед за определением, представленном в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой, под языковыми единицами понимаются элементы системы языка, которые могут представлять собой как простые элементы (лексемы), так и сложные (фразеологизмы, описательные глагольно-именные обороты) [13].

Перечислим выявленные языковые единицы и распределим их по группам в зависимости от структурных особенностей, что отражено в таблице № 1.

Выявленные языковые единицы и отраженные в таблице № 1 представляется возможным распределить на группы в зависимости от их структурных особенностей: описательные глагольно-именные обороты, лексемы, фразеологизмы семантики угрозы. Охарактеризуем каждую из представленных групп с опорой на художественные особенности произведений.

Описательные глагольно-именные обороты представляют собой такие синтаксические конструкции, которые, по определению отечественного исследователя П.А. Леканта, «основаны на несвободном употреблении глагола-призрака (лишенного определенного вещественного значения)» [14, с. 151]. В предложении подобные конструкции выполняют функцию простого глагольного сказуемого. Однако семантически подобные единицы являются неделимыми.

В рамках настоящего исследования к описательным глагольно-именным оборотам отнесем 13 языковых единиц со значением угрозы, реализующихся в текстах произведений В.М. Шукшина. Данная группа языковых единиц отмечается количественным преобладанием над остальными группами. Перечислим данные обороты: *горе показать*, *устроить фигурные катания*, *дать по лобешнику*, *дать в лоб*, *достать по башке*, *спасибо не сказать*, *дать в рыло*, *показать сарынь*, *по морде получить*, *прижать хвосты*, *хотеть по бокам*, *смазь замастырить*, *букет сделать*.

Как показал анализ, употребление подобных описательных глагольно-именных оборотов свойственно исключительно речи героев произведений. Реализация данных языковых единиц опирается на стремление действующих лиц предупредить собеседников о негативных для адресатов последствий. Подобные последствия могут иметь характер потенциальной физической расправы, последующей за совершенным действием или соответствующим вербальным поведением.

Охарактеризуем описательный глагольно-именной оборот *устроить фигурные катания*. Он реализуется в речи Егора, главного героя повести «Калина красная». Егор – взрослый мужчина, вышедший в 40 лет на свободу из мест заключения. Отличает героя от остальных наличие большого желания насладиться жизнью, борясь при этом с несправедливостью и угрюмостью, царящими в окружающих. Именно поэтому в речи главного героя нашел место оборот *устроить фигурные катания*, который реализуется в ситуации угрозы работнице почтового отделения, которая не поддержала разговор Егора о ее личной жизни: *Нет, как вам это нравится! Марионетки. Красные шапочки... Я вам* ***устрою*** *тут* ***фигурные катания****!* [23, с. 326]. Егор с досадой осознал, что простой интерес к женщине не вызвал у нее взаимности. Это породило комплекс чувств, борющихся между собой внутри Егора: обида, досада, раздражение. При этом герой избегает резких нецензурных выражений, подбирая оборот, с помощью которого удается одновременно «выплеснуть» эмоции, указать на несправедливость ситуации, а также пообещать расправу, что и нашло отражение в обороте семантики угрозы.

Описательный глагольно-именной оборот *устроить фигурные катания* представляет собой метафору, основанную на переносе свойств с одноименного конькобежного вида спорта на потенциальную расправу главного героя над работницей почтового отделения. Фигурное катание характеризуется исполнением сложных элементов на льду. Это ложится в мотивировку употребления данного оборота в речи Егора, поскольку его возможная расправа над грубой работницей почты совместима по сложности с данным видом спорта.

Таблица № 1

Структурная отнесенность выявленных языковых единиц семантики угрозы в прозе В.М. Шукшина

Группа	Количественное соотношение (от общего числа)	Языковые единицы
Описательные глагольно-именные обороты	54,1 %	*горе показать*, *устроить фигурные катания*, *дать по лобешнику*, *дать в лоб*, *достать по башке*, *спасибо не сказать*, *дать в рыло*, *показать сарынь*, *по морде получить*, *прижать хвосты*, *хотеть по бокам*, *смазь замастырить*, *букет сделать*
Лексемы	25 %	*отметелить, достать, опоясать, отлупить, устроить, допекать*
Фразеологизмы	20,8 %	*не сносить головы, оставить мокрое место, дать по кумполу, искать пятый угол, поднимать хвост (руку)*

Понятие *фигурное катание* представляет собой абстрактное явление, лежащее в основе описательного глагольно-именного оборота. Компоненты с подобными характеристиками содержатся в структуре таких оборотов, как *показать сарынь*, *горе показать*, *смазь замастырить*. В каждом из указанных оборотов реализуется намерение воздействующего субъекта предупредить провинившегося человека о возможных для него последствиях в случае дальнейшего неповиновения. При этом субстантивные компоненты с абстрактными значениями представляют собой образ негативного воздействия, «результата» реализации тех действий, что закладываются в угрозе.

Говоря о метафоре, лежащей в основе описательного глагольно-именного оборота, охарактеризуем оборот *дать в рыло*. Он реализуется в тексте повести «Верую» и относится к речи попа, повествующего о роли святого места для каждого верующего человека. При этом персонаж прибегает к использованию сниженной лексики: *Если мне кто-нибудь в этом великолепном соревновании сделает бяку в виде подножки, я поднимусь и* ***дам в рыло*** [24, с. 221].

Употреблению данного описательного глагольно-именного оборота предшествует и обстановка. Максим, главный герой повести, поп и Илюха выпивают, рассуждая при этом о жизни, о боге и смысле человеческого существования. В этой связи использование сниженной лексики оправдано, поскольку под действием алкоголя подвержено изменению языковое поведение человека.

В основе описательного глагольно-именного оборота лежит зооморфная метафора. Так, субстантивный компонент *рыло* указывает на сближение человеческого лица с передней частью головы некоторых животных, в частности свиньи. Опираясь на мнение российского исследователя И. Устуньера, зооморфная метафора низводит человеческое достоинство до уровня животного [18]. Это позволяет человеку продемонстрировать свое превосходство перед себе подобным и заложить в речь определенные коннотативные значения. В данном случае употребление оборота *дать в рыло* свидетельствует о твердости намерения говорящего расправиться с обидчиком в случае, если возникнет подобная ситуация.

Зооморфная метафора лежит в основе таких описательных глагольно-именных оборотов, как *получить по морде*, *прижать хвосты*. Оба оборота представлены в тексте рассказа «Крепкий мужик» в разговоре главного героя Шурыгина с продавщицей, напр.: [*Шурыгин*] *Взял бутылку, пошел из магазина. На пороге обернулся, сказал: «Я вам* ***прижму хвосты****-то!»* [25, с. 26].

Продавщица, будучи религиозным человеком, не поддержала реализуемый план по переоборудованию старой церкви в складское помещение. Этот факт, как и критика в сторону Шурыгина, вызвали в нем чувство злости, непонимания и желание расправиться с несогласными.

Субъект, реализующий коммуникативный акт угрозы, указывает на свое намерение произвести потенциальную расправу над «обидчиками». При этом в дальнейшем данная расправа может и не реализоваться. Однако употребление экспрессивного выражения с зооморфной метафорой подчеркивает решительность и эмоциональное состояние субъекта – Шурыгина.

В качестве «указателя» места потенциального воздействия, закладываемого в описательном глагольно-именном обороте с семантикой угрозы, может выступать соматическая лексика. В рамках настоящего исследования к подобным отнесем 4 оборота: *дать по лобешнику*, *дать в лоб*, *достать по башке*, *хотеть по бокам*. В каждом из указанных оборотов воздействующий субъект «определяет» ту часть тела, на которую может быть направлено его негативное физическое воздействие, закладываемое в угрозе.

Охарактеризуем оборот *дать по лобешнику*. Его употребление характерно речи Максима, героя рассказа «Верую». В разговоре с попом убежденный атеист Максим спорит о месте веры в жизни человека и грозится ударить священника: *Попяра!.. А если я счас, например, тебе* ***дам*** *разок* ***по лобешнику****, то как?* [24, с. 222]. Максим, доказывая реальность физического устранения человека другим человеком, отстаивает точку зрения о невозможности существования высших сил, их покровительства над человеком. Однако поп в силу своих убеждений не оставляет попытки донести до героя иную точку зрения. Этот факт вызывает у Максима чувство раздраженности, что и отражается на его речевом поведении, употреблении описательного глагольно-именного оборота с семантикой угрозы.

В составе описательного глагольно-именного оборота содержится соматический компонент, указывающий на место потенциального физического воздействия. В данном случае таковым местом является лоб человека. Однако для усиления экспрессивной функции высказывания герой употребляет слово *лоб* в просторечной форме *лобешник*.

Аналогичным образом построен описательный глагольно-именной оборот *достать по башке*, реализующийся в тексте повести-сказки «До третьих петухов»: *Цыть! – громыхнул Илья. – Неловко ему. А палицей* ***по башке****?* ***Достану****!* [26, с. 275]. Употребление соматизма *башка* вместо стилистически нейтрального *голова* усиливает воздействующую функцию сообщения. При этом в данном случае оборот представляет собой эллиптическую конструкцию, разделенную на две самостоятельные синтаксические единицы. Угроза выражается одновременно в вопросительном и восклицательном предложениях.

Дадим характеристику языковой единице *хотеть по бокам*. Употребление данного оборота свойственно молодому мужику, который угрожает Солодовникову расправой за кражу сена в рассказе «Шире шаг, маэстро!»: *А* ***по бокам не хотел****? Стяжком вот этим вот… Под бок он хотел!* [27, с. 246].

Риторический вопрос, закладываемый в основу оборота, отдаляет воздействующий субъект от прямого наименования способа воздействия на индивидуума. При этом реализуется и указание на потенциальную физическую расправу над человеком. Организация коммуникативного акта угрозы подобным образом смягчает ее восприятие для того человека, на которого она направлена. По мнению российского исследователя Е.П. Иванян, это позволяет воздействующему

субъекту исключить излишнее эмоциональное потрясение реципиента [9].

Группа языковых единиц семантики угрозы, состоящая из лексем, занимает промежуточную позицию по части количественной представленности. В данную группу отнесем 6 языковых единиц: *отметелить*, *достать*, *опоясать*, *отлупить*, *устроить*, *допекать*. Указанные лексемы характеризуются стилистической сниженностью. При этом, как показало проведенное исследование, употребление лексем присуще исключительно представителям мужского пола, что подчеркивает гендерный характер использования сниженной лексики.

Опишем лексему *отметелить*. Ее употребление свойственно речи Ивана, главного героя рассказа «Волки». Иван вместе с тестем Наумом отправились в лес за дровами. Однако по дороге их настигла стая волков, удар которой принял на себя в большей степени Иван. Тот в порыве ненависти к тестю угрожает ему расправой: *Предал, змей! Не уйдешь ты от меня, остановись лучше. Одного* ***отметелю*** *– не так будет позорно* [28, с. 56].

Выбор Иваном языковых средств угрозы диктуется экстремальностью ситуации, в которую попали главные герои. Следствием этого стало желание расправы над нерадивым тестем Наумом, выраженное требованием остановиться и угрозой физической расправы.

Обратимся к «Словарю русского арго» В.С. Елистратова, в котором находим определение значения лексемы. Метелить – «бить, избивать» [8, с. 248]. Глагол *метелить* в свою очередь образован от существительного *метель*, переносное значение которого обозначает драку (Там же). Таким образом, образ потенциального физического воздействия на человека, закладываемый в угрозе, восходит к природному явлению. Вероятно, драка и метель представляют собой явления с общими признаками хаотичности, интенсивности, беспорядочности, что и ложится в основу семантики лексемы *отметелить*.

Что касается лексемы *достать*, то ее употребление в текстах произведений В.М. Шукшина основано на метафорическом переосмыслении ее значения. Обратимся к «Большому академическому словарю русского языка». Одно из значений слова *доставать* – «дотягиваясь, дотрагиваться до кого, чего-либо» [3, с. 316].

В повести-сказке «До третьих петухов» лексема *достать* имеет значение угрозы физического нанесения вреда и реализуется в речи Ильи Муромца: *Кто пропадет? – Илья тоже не видел опасности, о какой говорил Лишний. – Сиди тут, гусарчик! А то* ***достану*** *тоже разок…* [26, с. 275]. В данном случае в речи Ильи Муромца имеется указание на возможность достать Лишнего по части нанесения ему физического вреда. При этом физическая близость к герою отходит на второй план.

Кулинарная метафора заложена в лексеме *допекать*, употребляемой в тексте рассказа «Генерал Малафейкин»: *«Я тебя дома, во дворе,* ***допеку****», – решил* [*Мишка*] [29, с. 291]. Согласно «Большому академическому словарю русского языка» глагол *печь* имеет значение «делать годным для употребления в пищу, прогревая на огне, горячих угольях или на раскаленном воздухе» [2, с. 526]. Однако в тексте рассказа герой прибегает к данному слову с намерением угрозы физического наказания, на которое перекладывается образ приготовления пищи, характеризующийся повышенной температурой в месте воздействия.

Что касается фразеологизмов семантики угрозы в текстах произведений В.М. Шукшина, то в настоящем исследовании отмечено 5 оборотов: *не сносить головы*, *оставить мокрое место*, *дать по кумполу*, *искать пятый угол*, *поднимать хвост* (*руку*). Употребление фразеологических оборотов семантики угрозы в текстах произведений писателя характеризуется наименьшей количественной представленностью. Это может быть связано со стремлением автора использовать описательные глагольно-именные обороты и лексемы, компоненты которых имеют свободный характер, не зависят друг от друга. Фразеологизмы же представляют собой языковые единицы, в структуре которых имеются компоненты со связанным значением, что в некоторых случаях может вызвать затруднения при интерпретации их семантики для реципиента.

Дадим характеристику фразеологизму *не сносить головы*. Языковая единица представлена в тексте сказки-повести «До третьих петухов», в которой Конторский предупреждает Онегина и Илью о плохом для них исходе дел, если те реализуют свои затеи: *Предупреждаю, – сказал Конторский, – если затеете какую-нибудь свару… вам* ***головы не сносить*** [26, с. 277].

В данном случае фразеологизм представляет собой узуальную языковую единицу. Обратимся к «Фразеологическому словарю русского литературного языка» А.И. Федорова. Находим толкование значения данного фразеологизма: «Несдобровать; не миновать наказания, расправы» [19, с. 637]. Семантика фразеологизма допускает его использование в качестве угрозы в соответствующей коммуникативной ситуации, поскольку имеется указание на негативный для человека исход дела. В рамках сказки-повести «До третьих петухов» угроза потенциальной расправы усиливается за счет прямого указания на намерение говорящего через глагол *предупреждаю*.

В основе фразеологизма *не сносить головы* лежит соматическая метафора, указание на которую содержится в компоненте *головы*. Вероятно, образ потенциальной физической расправы связан с обезглавливанием как одним из древних способов физического наказания.

Опишем фразеологизм *оставить мокрое место*. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова находим следующее определение значения единицы: «Кто-то будет совсем уничтожен. Обычно как угроза» [20, с. 298]. В толковании значения фразеологизма указывается на угрозу как коммуникативный акт, в рамках которого употребление данной языковой единицы имеет место.

В тексте сказки-повести «До третьих петухов» фразеологизм реализуется в речи Бабы-Яги, которая угрожает Змею Горынычу расправой в случае, если тот обманет Бабу-Ягу и Ивана: *Пусть только попробует, – сказала Баба-Яга, – пусть только надует: навернется с поднебесья –* ***мокрое место останется*** [26, с. 283].

В данном случае угроза, которая исходит от воздействующего субъекта, выражена косвенно, то есть без участия лица, которому данная угроза адресована. При этом во фразеологизме подчеркивается интенсивность потенциальной расправы, к которой может прибегнуть Баба-Яга. Сочетание *мокрое место* указывает на возможность произвести такое физическое воздействие на жертву, что по окончании его реализации от нее не останется ничего.

Таким образом, творчество отечественного писателя В.М. Шукшина во многом перекликается с бытовой и профессиональной жизнью самого автора. Главной темой, поднимаемой в произведениях, становится жизнеописание провинциальных людей. При этом в подобное жизнеописание входят, как правило, ситуации нравственного выбора, разрешить которые зачастую героям сложно.

Бытовые, профессиональные трудности, с которыми сталкиваются персонажи, тесное взаимодействие с соседями, сослуживцами, коллегами, родителями, детьми – отличительная черта деревенской прозы и социального реализма В.М. Шукшина в целом. Все это требует соответствующего языкового воплощения, передающего и внутренние, и внешние состояния героев произведений писателя. Одной из таковых особенностей языковой реализации является использование сниженной лексики, в частности – в коммуникативной ситуации угрозы.

По результатам проведенного исследования описательные глагольно-именные обороты представляют собой количественно преобладающую группу языковых единиц семантики угрозы, состоящую из 13 примеров. Лексемы семантики угрозы представлены в количестве 6 языковых единиц. Фразеологизмы семантики угрозы – в количестве 5 языковых единиц. Данная тенденция может быть обусловлена стремлением автора к использованию семантически не связанных компонентов внутри оборотов семантики угрозы, что позволяет «моделировать» описательные обороты, подстраивая их к конкретному образу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский, Л. А. Путь Василия Шукшина / Л. А. Аннинский // Тридцатые семидесятые. Литературно-критические статьи. – Москва, 1978. – С. 228–268.

2. Большой академический словарь русского языка / под редакцией К. С. Герд. – Москва ; Санкт-Петербург, 2011. – Т. 16. – 638 с.

3. Большой академический словарь русского языка / под редакцией К. С. Горбачевича. – Москва ; Санкт-Петербург, 2006. – Т. 5. – 694 с.

4. Большой академический словарь русского языка / под редакцией К. С. Горбачевича. – Москва ; Санкт-Петербург, 2005. – Т. 3. – 663 с.

5. Большой энциклопедический словарь / главный редактор А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Фонд «Ленинградская галерея», 2002. – 1628 с.

6. Варламов, А. Н. Шукшин / А. Н. Варламов. – Москва : Молодая гвардия, 2015. – 399 с.

7. Воронина, Л. П. Экспрессивные смыслы диминутивов в текстах В. М. Шукшина / Л. А. Воронина // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 408. – С. 5–10.

8. Елистратов, В. С. Словарь русского арго : материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В. С. Елистратов. – Москва : Русские словари, 2000. – 694 с.

9. Иванян, Е. П. Семантика вторичных номинаций тематической группы «бить, колотить» в прозе В. М. Шукшина. Русская филология / Е. П. Иванян // Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – Харьков, 2010. – № 1–2. – С. 3–8.

10. Илюшина, О. В. Динамика художественных форм в творчестве В. М. Шукшина : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Илюшина О. В. – Барнаул, 2002. – 24 с.

11. Карташова, Е. Н. Творчество В. М. Шукшина: перспективы лингвистических исследований / Е. Н. Карташова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – Воронеж, 2021. – № 1. – С. 82–87.

12. Куляпин, А. И. Проблемы творческой эволюции В. М. Шукшина / А. И. Куляпин. – Барнаул, 2000. – 199 с.

13. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

14. Лекант, П. А. Развитие форм сказуемого / П. А. Лекант // Мысли о современном русском языке. – Москва : Просвещение, 1969. – С. 140–154.

15. Назарова, Т. Б. Типология видов общения: от традиционных линий дифференциации к новым соотношениям / Т. В. Назарова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2022. – № 3. – С. 117–126.

16. Панченко, Н. В. Пространство композиционного построения шукшинского текста / Н. В. Панченко // Филология и человек. – 2009. – № 2. – С. 36–45.

17. Скубач, О. А. Пространство советской культуры в прозе В. М. Шукшина / О. А. Скубач. – Барнаул : АлтГУ, 2013. – 132 с.

18. Устуньер, И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Устуньер И. – Екатеринбург, 2004. – 195 с.

19. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

20. Фразеологический словарь русского языка / под редакцией А. И. Молоткова. – Москва : Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

21. Черницына, Т. В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В. М. Шукшина : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Черницына Т. В. – Волгоград, 2013. – 26 с.

22. Юрина, Е. И. Речевой акт угрозы в различных коммуникативных ситуациях / Е. И. Юрина, С. В. Доронина // Юрислингвистика. – 2021. – № 20. – С. 19–23.

23. Шукшин, В. М. Калина красная / В. М. Шукшин // Шукшин В. М. Избранное. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2022. – С. 281–370.

24. Шукшин, В. М. Верую / В. М. Шукшин // Шукшин В. М. Собрание сочинений : в 6 книгах. Книга вторая. Верую. – Москва : Надежда-1, 1998. – С. 215–224.

25. Шукшин, В. М. Крепкий мужик / В. М. Шукшин // Шукшин В. М. Собрание сочинений : в 6 книгах. Книга вторая. Верую. – Москва : Надежда-1, 1998. – С. 22–28.

26. Шукшин, В. М. До третьих петухов / В. М. Шукшин // Шукшин В. М. Собрание сочинений : в 6 книгах. Книга третья. Странные люди. – Москва : Надежда-1, 1998. – С. 273–323.

27. Шукшин, В. М. Шире шаг, маэстро! / В. М. Шукшин // Шукшин В. М. Собрание сочинений : в 6 книгах. Книга вторая. Верую. – Москва : Надежда-1, 1998. – С. 240–251.

28. Шукшин, В. М. Волки / В. М. Шукшин // Шукшин В. М. Избранное. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2022. – С. 51–58.

29. Шукшин, В. М. Генерал Малафейкин / В. М. Шукшин // Шукшин В. М. Собрание сочинений : в 6 книгах. Книга вторая. Верую. – Москва : Надежда-1, 1998. – С. 284–291.

M.S. Agafontsev

LINGUISTIC REALIZATION OF THE COMMUNICATIVE ACT OF THREAT IN THE WORKS OF V.M. SHUKSHIN

The article describes the linguistic units of threat semantics in the works of V.M. Shukshin. Descriptive verb-noun phrases, phraseological units, as well as lexemes of this semantics are revealed. The predominant type of these linguistic units in the characters' speech and the author's text as well as the potential motivation for their use are determined.

Vocabulary, phraseology, V.M. Shukshin, verbal impact, threat, communicative act.